

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Шипицына Г. М., д-р филолог. наук, проф.
Белгородский государственный университет

ЯЗЫК И ДЕНЬГИ (О ЯВНЫХ И СКРЫТЫХ СМЫСЛАХ В УСТОЙЧИВОМ СЛОВСОЧЕТАНИИ НА ТЕМУ ДЕНЕГ)*

Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье на примере словосочетания включить печатный станок раскрываются языковые механизмы импликации и эвфемизации прагматического потенциала высказывания. С учетом культуры и ментальности российского народа определяются мотивировочные признаки денотативного пространства фразеологизировавшегося словосочетания.

Ключевые слова: фразеологизация, эвфемизмы, прагматика, имплицитные смыслы, смысловая структура фраземы, картина мира, ментальность россиян, деньги.

Язык как мощная социально обусловленная знаковая система изменяется вслед за развитием общества, мышления народа и его культуры. Средствами языка номинируются результаты когнитии, осуществляя связь между знаниями, добытыми не только на креативном, но и на перцептивном, и на эмоциональном уровнях познания. «Свойства языка естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека» [1: 606], поэтому в языке всякого исторического периода есть или вновь создается все то и только то, что необходимо социуму для результативной коммуникации.

Оценивать результативность коммуникации можно с двух сторон. С позиции говорящего: если ему удалось достигнуть цели сообщения, то есть донести до адресата речи именно те смыслы высказывания и те прагматические установки сообщения, которые он хотел донести. Обычно такие смыслы и прагматические установки эксплицированы. С позиции же адресата речи результативность коммуникации можно определять степенью понимания не только эксплицированного смысла высказывания, но и завуалированной от данного получателя информации семантики и прагматики сообщения (если, конечно, такая семантика и прагматика имеется). В противоречии между желаемой целью сообщения и реально достигнутым его результатом заключается основная причина коммуникативных неудач для отправителя информации, и эта причина часто обусловлена неверной оценкой говорящим коммуникативно-языковых,

мыслительных, психологических и интуитивных способностей адресата речи, влияющих на эффективность понимания текста и особенно дискурса говорящего. Неслучайно А.А. Потебня писал о том, что «слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [2: 301].

Кроме того, что у всех участников социокультурного диалога для обеспечения его коммуникативно-прагматической эффективности должна быть общность речевой установки, единство информационного и культурного поля, важен и эмоциональный аспект восприятия информации, поскольку «человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией; мы или понимаем, или чувствуем; чаще всего наша мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства... В одних случаях она (мысль) имеет логическую доминанту, а в других – эмоциональную» [3: 182].

Как отмечают вслед за В. Гумбольдтом многие ученые, важная в коммуникативных дискурсах информация, связанная с чувственным осознанием ее сущности носителями языка, нуждается не только, а зачастую и не столько «в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знаково-обозначении, которое передавало бы ценностно-

смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам» [4: 222]. В этом случае носители языка создают более сложные, чем слово, языковые единицы – устойчивые словосочетания – для репрезентации информативно важного содержания, а главное – для прагматической аранжировки этого содержания. Способ создания устойчивых оборотов – это фразеологизация свободных словосочетаний путем приобретения ими основных признаков фразеологизма (устойчивости, воспроизводимости, утраты (в той или иной степени) компонентами конструкции самостоятельной семантики в пределах этого словосочетания и приобретение целостного метафорического значения, не сводимого к сумме значений входящих в словосочетание слов).

Фразеологизация свободных словосочетаний в настоящее время происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык мобилизовал свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации, шадящей воспитанную десятилетиями советскую ментальность так называемого простого человека. Этот процесс соответствует и модификации языкового сознания. Неологизация в зоне устойчивых сочетаний – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» [4: 208]. Устойчивые сочетания слов оказываются востребованными еще и потому, что с их помощью можно утонченно выразить негативную информацию по принципу эвфемизации, нейтрализовав ее неприятный для социума смысл.

Проанализируем фразеологизировавшееся словосочетание в аспекте декодирования заложенной в нем имплицитной информации прагматического характера на примере актуализировавшегося на рубеже XX – XXI веков выражения *включить печатный станок*. Оно из тематической группы словосочетаний новейшего времени, построенных по принципу недосказанности сообщения, прямо или косвенно касающегося денег (*грязные деньги, черные деньги, преступные деньги, отмывание грязных денег, деревянный рубль*, а также *либерализация цен, потребительская корзина* и т.п.). Наш выбор примера не случаен: в обществе людей именно

деньги составляют основу жизни: без них немислимы ни хозяйственная, ни духовная деятельность, они влияют на развитие общества с его достоинствами и противоречиями. Роль стабилизатора в приобретении спокойствия и порядка в обществе также играют деньги: с их помощью можно достигнуть относительной гармонии в человеческих межгрупповых и личностных отношениях, но именно деньги часто вызывают социальные катаклизмы, они же оказываются первопричиной многих преступлений. Вопрос денег для современного российского социума один из наиболее болезненных, впрочем, он и раньше был таковым, что подтверждает обилие паремий на тему денег (а паремии, как известно, по пустякам не создаются народом): *Денежка не бог, а полбога есть; После бога деньги первые; Когда деньги говорят, правда молчит; Деньги лучше уговора* (словарь Даля).

В смысловой структуре словосочетания *включить печатный станок* заложена дополнительная информация, названная И. Р. Гальпериным содержательно-подтекстовой. Она «возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [5: 45]. Важно то, что коммуникативно значимым является именно неэксплицированный смысл, который по-разному ощущается и домысливается носителями языка в зависимости от их понимания денотативной ситуации, отраженной в сообщении. В словосочетании *включить печатный станок* таким неэксплицированным смыслом оказывается не периферийная зона смысловой структуры, а скорее центральная, то есть сигнификативное и денотативное значение: «начать печатать и вводить в денежный оборот страны дополнительное количество бумажных денег, не обеспеченных совокупным общественным продуктом» (ТСРЯ XXI в.). Например: *В августе Центробанк включил печатный станок и принялся активно пополнять золотовалютные запасы, скупая на бирже «нефть-доллары»*. Как и следовало ожидать, рубль почти каждый день начал терять несколько копеек (газ. «Труд» 17.08.04). Общественно значимая, экономически важная семантика оборота *включить печатный станок* могла бы быть эксплицирована более точно средствами той же лексико-фразеологической парадигмы, например, словосочетанием терминологического характера *произвести эмиссию денег* или общепотребительной фразой *напечатать много лишних денег*, но эти языковые средства как минимум могли бы насторожить электорат, вызвать ненужные эмоции, стимулируя раздумья о последствиях такого действия, поскольку эмис-

сия денег вызывает высокий уровень инфляции и рост цен. Понимание связи между денежной эмиссией, последующей гиперинфляцией и ростом цен у людей, неоднократно переживавших в прошлом денежные реформы, обмены купюр и кризисы, имеется. Так, «в 1991 г. в обращение было выпущено денег больше, чем за все предшествующие тридцать лет... Доверие к рублю продолжало падать. В дальнейшем инфляция еще больше усилилась» [6: 40]. И ранее: «Одним из важнейших источников финансирования в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. стала денежная эмиссия, что вызвало инфляцию ... При этом быстрое увеличение денежной массы вызвало резкий рост цен на рынке. В целях изъятия лишних денег были установлены высокие цены в государственной коммерческой торговле, принудительно распространялись государственные займы» [6: 37]. Между этими периодами была не одна денежная операция, неприятная для социума.

Но найденный вариант языковой репрезентации концепта «денежная эмиссия» с помощью неологизма *включить печатный станок* почти свободен от тревожащей сознание социума прагматики, так как его лексический состав не нацелен на передачу возможных экономических и социальных последствий печатания эмиссионных денег, поскольку буквальный и метафорический смыслы оборота достаточно отдалены друг от друга. «Отбор всех языковых средств производится под большим или меньшим влиянием адресата и его превосхищаемого ответа» [7: 232]. Язык отражает особенности национального менталитета, каждый язык налагает на эмоциональный опыт людей свою собственную классификационную сетку [8: 507]. Эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собой культуроспецифическую точку зрения [8: 523]. Оборот *включить печатный станок* оказался удобной формой нейтрализации взрывоопасной информации, поскольку на поверхностном уровне его смысловой структуры не содержится прямого указания на цель и последствия включения печатного станка. Это действие в денотативном сюжете словосочетания представлено как самый начальный его этап в чисто механической ипостаси, а в отношении к российской ментальности позиционирует его вообще только как определенную возможность продолжения задуманного процесса, которая впрочем может и не реализоваться. И это несмотря на то, что в обороте *включить печатный станок* грамматическая форма глагола *включить* (совершенный вид со значением результативно законченного дей-

ствия и инфинитив с потенциальной модальностью предписания) вроде бы нацелена на выражение решительных намерений и обязательности выполнения действия. Однако лексический состав и особенно интерпретационное поле оборота «успокаивают» общественное сознание, обеспечивая нейтральное восприятие этого действия. Язык отражает не только мир действительности, но и опыт человека в его познании, закрепленной в национальной картине мира. Восприятие неологизма *включить печатный станок* задано ментальным стереотипом эмпирических ассоциаций носителей языка. Слово *включить* в значении «присоединив к источнику энергии, привести в действие, пустить в ход» (*включить мотор, станок, утюг* и т.п.) (МАС) для российского народа, воспитанного далеко не идеальным производственным и бытовым опытом, факт включения какого-либо устройства (особенно российского производства), еще не означает гарантированной последующей работы этого устройства (станки часто ломаются, потому на производстве была востребованной специальность наладчиков станков), кроме того станок может и вовсе не включиться. Фактически глаголом *включить*, не поддержанным в контексте оборота модальным словом со значением обязательности (*немедленно, срочно, непременно* и т.п.) провозглашаются всего лишь намерения, которые для российской ментальности выглядят примерно так, как лингвисты квалифицируют прагматику глагола *постараюсь*: «Говоря *постараюсь*, человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако не обещает расшибиться в лепешку – ему могут помешать различные внешние обстоятельства, в том числе его собственное нежелание» [9: 64].

Семантическим и прагматическим центром выражения *включить печатный станок* оказывается слово *станок* в значении «машина для обработки металла, дерева и т. п. или для изготовления, производства чего-либо» (*токарный станок, типографский станок, ткацкий станок*). Оно образовано от слова *стан* в значении «приспособление, сооружение (обычно деревянное) для каких-либо работ (*мельничный стан, ткацкий стан*)» (МАС) с помощью уменьшительного суффикса *-ок*. Внутренняя форма сохранилась, и «она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [10: 210 – 211]. Образно-предметная мотивация обеспечивает устойчивую связь деривата *станок* со своим производящим словом *стан*, что создает основу для ассоциативной актуализации буквального значения производного слова. Мотивировочный признак как основа денотативного про-

странства фраземы усвоен и прагматически определен носителями языка. Поверхностный слой семантической структуры словосочетания *включить печатный станок* вызывает в сознании носителей языка известные из перцептивно-опыта наглядно-чувственные образы стана и станка. Безусловно, эти образы будут различными у разных носителей языка в зависимости от того, какие станы и станки им известны. Однако с уверенностью можно утверждать, что большая часть носителей языка не видела действительного производства денежной массы, еще какая-то часть населения вообще никаких станков не видела, кроме станков и станочков бытового назначения. Потому перцептивные представления о промышленном производстве такой продукции, как деньги, может и не вызвать каких-либо негативных эмоций в обыденном сознании носителей языка. Ведь если станок – это всего лишь маленький стан, то много ли на нем напечатать? Немного, даже если он будет хорошо работать, что весьма проблематично.

Поскольку креативные возможности носителей языка обусловлены их общественным сознанием и личным опытом, фразеологизм *включить печатный станок* оказался весьма удобной структурой для удержания поверхностно-денотативной семантики на уровне «ближайшего значения» фразы (а только оно одно «составляет действительное содержание мысли») (по А. А. Потебне). Пустота «ближайшего значения» в сравнении с концептуальным, понятийным содержанием фразеологизма очевидна. Кроме вуалирования негативного смысла реализованный вариант номинации отличается от синонимичных доступностью и адаптированностью способа выражения концепта. Его яркая внутренняя форма позволяет завуалировать концептуальный смысл.

Итак, структурно-содержательные особенности фразеологизма *включить печатный станок* в конечном счете обусловлены социальной жизнью носителей языка как внешней среды функционирования языковой системы, пресуппозицией дискурса и сущностью коммуникативной стратегии сообщения. Оценивая содержание анализируемого устойчивого словосочетания с лингвокультурологических позиций, соотнося его с ментальной системой ценностей россиян, отметим, что устойчивые выражения такого рода ориентированы не столько на выражение действительной прагматики, сколько на удержание семантики на уровне поверхностного смыслового слоя оборота, картинно-образно представляющего денотативный театр действий. Механизмом, обеспечивающим данную функцию устойчивого сочетания, оказывается актуа-

ция ядерных сигнификативных и денотативных сем поверхностного слоя его смысловой структуры в ущерб прагматическим семам периферийной зоны, нагруженным культуросоносным содержанием.

Названные в данной статье пресуппозитивные факторы, обусловившие прагматическое содержание словосочетания, очевидно, не носят исчерпывающего характера, но являются важными в процессе создания эвфемической фраземы.

**Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (з/к № 16.740.11.0351).*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кибрик, А. Е. Язык / Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 604 – 606.
 2. Потебня, А. А. Мысль и язык / Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 207 – 213.
 3. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 2001. – 235 с.
 4. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
 5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: УРСС, 2005. – 144 с.
 6. Зверев, С. В. История денег в России. – М.: Инкомбук, 2005. – 78 с.
 7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
 8. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
 9. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б., Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славян. Культуры, 2005. – 540 с.
 10. Потебня, А. А. Мысль и язык / Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. – М.: 1973. – С. 207 – 213.
- Словари:** (Словарь Даля) – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1980; (МАС) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык – 1981 – 1984; (ТСРЯ XXI в.) – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2000.